

Цю Чэн засунул руку в рюкзак и вытащил ярко-красный помидор.

— Ого, парень, а томатик-то у тебя неплох! Откуда добро?

Торговец не спешил объявлять, намерен он покупать или нет, а вместо этого принялся расспрашивать Цю Чэна, где тот раздобыл такие овощи.

— У меня свои каналы, — разумеется, Цю Чэн не стал признаваться, что вырастил помидоры сам.

— Тц, неужто у вас в семье кто-то на машине баранку крутит? — продавец изобразил на лице понимающую улыбку. — Я ведь слышал, некоторые водители, что в другие провинции гоняют, тайком подвозят кое-какой скарб. Что ж, дело житейское, каждый крутится как может.

Услышав это, Цю Чэн примерно понял, что желанной цены от собеседника он не дождется, и, больше не говоря ни слова, подхватил свой нехитрый скарб и двинулся дальше.

Торговец, как и ожидалось, удерживать его не стал. Его основная клиентура состояла вовсе не из тех, кто в нынешние смутные времена мог позволить себе раздобыть свежие помидоры. Пока петух не клюнет в темя, такие люди заначки наружу не вытащат, а у него-то на лотке — кукурузная мука, спасение от голодной смерти.

Устроившись на обочине прямо у дороги, Цю Чэн выглядел донельзя заурядно: на нем была старая, добела выстиранная и полинялая одежда, а просторный покроём фасон делал его еще более худым, чем он был на самом деле.

Алые помидоры и зеленеющий лук действительно привлекали взор. В нынешнюю эпоху разве сыщется что-то более притягательное, чем съестное? Впрочем, даже те редкие прохожие, что останавливались поглазеть, в основном лишь тешили праздное любопытство. Горожанам жилось из рук вон тяжело, и они предпочли бы выпросить лишнюю жменю кукурузной муки, чем тратиться на эти аппетитные на вид овощи, которые ни наесться досыта, ни заглушить волчий аппетит были не способны.

— Почем помидорки? — спустя какое-то время некая женщина средних лет наконец высказала намерение совершить покупку. На вид ей было около пятидесяти, фигура средняя, жилистая, черты лица удивительно утонченные и миловидные. Она носила аккуратно убранный причёску, была одета в чистые, аккуратные одежды и производила впечатление весьма почтенной особы.

— А что у вас есть? — в ответ осведомился Цю Чэн.

— Деньги у меня есть. Так почем твои томаты за цзинь? — женщина улыбнулась мягко и непринужденно.

— Деньги мне не нужны.

Цю Чэн нахмурился, его выражение лица мгновенно утратило былое доброжелательство. Краем глаза он уже заметил, как торговцы с соседних лотков принялись зыркать в их сторону с нескрываемым праздным любопытством.

— Без денег? А что же тебе тогда надобно? — женщина, казалось, в упор не замечала перемены в настроении Цю Чэна. Невозмутимо заправив за ухо выбившуюся прядку волос, она присела на корточки, протянула руку к лотку, выбирая помидоры, и на ходу снова забросила вопрос: — Так почему фунт? Называй цену, мне по карману.

Цю Чэн понял, что столкнулся либо с сумасшедшей, либо с прожженной уличной торговкой. К тому же перед ним стояла дамочка почтенного возраста, да еще и вежливым, ласковым тонком с ним разговаривавшая — не станет же он распускать руки и прогонять ее силой. Но если не избавиться от нее сейчас, можно распрощаться с мыслями о торговле на весь оставшийся утренний досуг. Про подобные фокусы ему доводилось слышать еще в убежище: если говорить на чистоту, это чистой воды наглость, и затеивай скандал — у этой особы вполне могли отыскаться влиятельные покровители, так что в убытке останется он сам.

— Сто юаней за штуку, больше двух в одни руки не дам, хоть тресни.

Решив не гадать, притворяется ли покупательница безумной или тронулась рассудком наяву, Цю Чэн рассудил, что пара помидоров погоды не сделает, и предпочел замять конфликт в зародыше.

Относительно финансовой политики в городе ходили самые противоречивые слухи. Одни твердили, что правительство готовится выпустить новую валюту, а старые банкноты аннулируют в мгновение ока; другие уверяли, что это бред сивой кобылы и прежние деньги еще послужат. Мир-то пока не рухнул, власть не пала — неужели выпущенные государством бумажки можно вот так просто взять и отменить по мановению руки?

Однако на текущий момент бумажные деньги в городе практически не ходили. По крайней мере, на этой улице не нашлось бы ни единого лавочника, готового принять наличность.

— Ай, как же замечательно! — обрадовалась женщина, услышав, что Цю Чэн согласен уступить ей помидоры. Она сидела на корточках перед лотком, вертя в руках то один, то другой плод, словно каждый казался ей слишком прекрасным, чтобы выпускать его из пальцев, пока наконец не отобрала парочку самых крупных.

Определившись с выбором, она извлекла из сумочки через плечо кошелек, вытянула две стоюаневые банкноты, протянула их Цю Чэну, а помидоры аккуратно сложила обратно. Напоследок женщина бросила: — Молодой человек, а у вас доброе сердце! — и проследовала дальше в самом приподнятом настроении.

Цю Чэн с досадой сунул в карман две сомнительные бумажки, ценность которых в будущем казалась весьма туманной, и продолжил сидеть на придорожной бровке, сторожа свой нехитрый товар.

— Братец, ты что, учуял какие-то слухи? — тихонько тронул его за плечо сидевший неподалеку торговец детской обувью.

Заметив столь странную щедрость Цю Чэна, тот заподозрил, что парню неведомы какие-то инсайдерские сведения. В конце концов, раз он умудряется доставать помидоры, кто знает, может, у него и впрямь налажены каналы информации.

Ситуация с денежной политикой оставалась мутной, но дураков среди людей не водилось: те, кто еще сводил концы с концами, понимали, что нужно приберечь хоть какие-то ценности. Даже обесценивающиеся пачки купюр старались по возможности сохранить — а вдруг впереди грянут большие перемены? Если действительно просочится весть, что бумага снова поднимется в цене, они все изо всех сил бросятся скупать ее.

— Ничего я не слышал, — откуда было знать Цю Чэну о планах властей? Не удержавшись, он тут же перевел тему на недавнюю гостью: — Слушай, а кто эта женщина? Ты ее знаешь?

— Про ту бабу говоришь? А Шэнь Динцзюня знаешь? — услышав этот вопрос, торговец оживился.

— Слышать — слышал.

Разве в их Городе Синьнань найдется хоть кто-то, кому незнакомо имя Шэнь Динцзюня?

— Так это ж его законная жена, — ухмыльнулся тот.

— Законная жена? — изумился Цю Чэн.

— Тц, видать, ты и вправду не в курсе. Шэнь Динцзюнь в свое время выбился в люди исключительно благодаря тому, что женился на внучке нашего бывшего мэра. Сам-то он из деревенских, учился хорошо, поступил в университет, потом его распределили к нам в город работать. А спустя несколько лет подался в бизнес. При такой-то родне за спиной попробуй тут прогори!

Родители Шэнь Динцзюня — чистокровные крестьяне, во что бы то ни стало мечтавшие о внуке. Назло им невестка рожала исключительно девочек: две первые дочки, третья — снова девочка. И ладно бы только это — третья-то оказалась с ментальными отклонениями. Все эти годы Шэнь Динцзюнь держал на стороне любовницу, а та возьми да осчастливь его сыночком. Тут-то маменька баловня задрала нос выше туч и стала вести себя надменнее любой законной супруги. За глаза ее впору звать не иначе как второй женой Шэнь Динцзюня.

— А что теперь?

Шэнь Динцзюнь — воротила рынка недвижимости их родного города. Будь эта женщина его настоящей женой, продай она пару квартир из его бесчисленных владений — и им на века хватило бы на жизнь. С чего бы ей теперь из-за куска еды побираться и вызывать всеобщее раздражение?

— Да этот Шэнь Динцзюнь — тварь последняя, — покачал головой и тяжело вздохнул продавец обуви. — Как только запахло жареным, он бросил жену с дочкой, прихватил ту девку с баблом, задействовал связи и смылся с грузовым рейсом на юг. А вся недвижимость записана на его имя, жена и подступиться к ней не может.

— А его родители? — не удержался от вопроса Цю Чэн.

— Тоже умотали следом. Люди рассказывают, идея-то как раз от стариков исходила, уж правду ль брежут — не знаю, но души у них чернее сажи.

Как бы ни свирепствовала нужда, черствость и предательство всегда будут вызывать народное презрение. Тем более семейка Шэня купалась в деньгах и влиянии — до какой же нищеты нужно дойти, чтобы бросить на произвол судьбы собственную плоть и кровь?

— Кукурузная лепешка на два помидора — меняешься?

У лотка Цю Чэна возник новый проситель — мужчина в строгом деловом костюме с портфелем в руках.

— Меняюсь, — не раздумывая, согласился Цю Чэн.

Предложенная цена была вполне честной: лепешка способна надолго утолить голод, а помидор — нет.

Покупатель отдал две лепешки за четыре томата, вдобавок заставив Цю Чэна насыпать пучок зеленого лука. Тут же на краю тротуара он раскрыл портфель и принялся трепетно укладывать добычу внутрь.

— Полевые крысы нужны? — вдруг поинтересовался Цю Чэн.

— Крысы? — мужчина замер и поднял глаза.

— Прямо здесь, в мешке, — Цю Чэн кивнул на плетеную суму у ног.

— А ну, покажи.

Покупатель явно проявил интерес.

Цю Чэн распустил горловину мешка, демонстрируя трех тучных, лоснящихся полевок. Тот заглянул внутрь и невольно сглотнул слюну. В нынешние времена люди не менялись: каким бы респектабельным ни казался фасад, при виде мяса у каждого текли слюнки.

— Почему?

— Три лепешки за хвост. Заберешь всех разом — отдам за восемь.

Поторговав какое-то время, Цю Чэн успел уяснить одну истину: возможно, в черте города и водились те, кто не бедствовал с едой, но натолкнуться на такого человека вот так сходу — задача не из легких.

— У меня с собой столько нет. Погоди минутку, я позову одного человека.

Мужчина явно загорелся идеей заполучить добычу.

— Только быстрее, мне скоро на смену пора, — поторопил его Цю Чэн.

— Пара минут, тут близко!

С этими словами покупатель подхватил портфель и пустился бегом.

За последующие десять минут Цю Чэн успел провернуть еще одну сделку. Стесненные обстоятельства превратили людей в завятых скряг: здоровенный детина битых пять минут препирался с ним из-за пары дополнительных перышек лука.

— Вот тут, здесь! — вскоре запыхавшийся мужчина вернулся, волоча за собой двоих коллег.

— Где крысы? Доставай, дай глянем, — потребовал один из прибывших.

Молча развязав мешок, Цю Чэн позволил им рассмотреть товар во всех подробностях.

— Тушки знатные... Но три лепешки за штуку не слишком ли дорого? — попытались сбить цену покупателя.

— После разделки в них чистого веса останется граммов двести-триста, — парировал Цю Чэн.

— А как их вообще разделявать-то? — подавляющее большинство горожан сроду не пробовали крысятину.

— Да как курицу, — пояснил Цю Чэн и в деталях расписал весь процесс потрошения.

— Интересно, а вкусное оно — мясо это полевое? — засомневался один из них.

— Ел я, вкус отменный, — вовремя подкинул дровишек в огонь Цю Чэн.

— Тц, продавец свое хвалит, мало ли что ты скажешь! — с недоверием протянул тот, хотя по горящим глазам было видно: купить им хочется до жути.

— Давай возьмем. Он же предлагал всех троих за восемь лепешек.

— Ты как считаешь?

— Берем. Смотри-ка, звери чистенькие, на вид здодоровые.

Новички вытащили по три лепешки, а тот, что приходил первым, добавил еще три со своей стороны: две вручил Цю Чэну целиком, а последнюю разломил на три части — пару кусочков отдал компаньонам, а остаток приберег себе.

Расплатившись лепешками и выпросив в придачу горсть лука, троица радостно подхватила плетеный мешок и скрылась за углом. Проводив их взглядом, Цю Чэн внутренне пожалел плетенку — впредь наука, нечего таскать добро в чем попало.

Закончив сделку, Цю Чэн глянул на часы — время поджимало. Быстро собрав оставшиеся пять-шесть помидоров и пучок лука, он поспешил на объект.

Как ни гнал он коней, а опоздать все же успел минут на десять. Когда Цю Чэн добрался до входа в жилой комплекс, где их бригада электриков вела работы, остальные уже разошлись по участкам, и лишь бригадир с блокнотом в руках восседал на бортике клумбы, что-то сосредоточенно чиркая на бумаге.

Услышав шаги, тот поднял голову. Выражение его лица оставалось неизменно суровым.

— Опоздал, — констатировал он.

— С утра заскочил в город, не рассчитал время, — объяснил Цю Чэн и, подумав немного, выудил из рюкзака помидор: — Возьмите, неплохие томаты, попробуйте.

Бригадир умолк. Он молча сверлил Цю Чэна тяжелым, не предвещающим ничего хорошего взглядом. У Цю Чэна даже затылок защищало от этого сканирующего внимания, но он быстро успокоил себя: подумаешь, помидор — во взяточничестве не обвинят, максимум погонят в шею с работы.

Поразглядывав подчиненного еще с минуту, бригадир наконец протянул руку, взял томат, молча поднялся с клумбы и зашагал прочь.

— В первый и последний раз, — бросил он через плечо.

Никто, кроме него самого, не смог бы понять, с каким же трудом далось ему это движение руки.

Десятки лет назад, когда он сам еще ходил в старшекласниках, ему довелось поехать на заработки на юг вместе с отцом — они трудились подсобниками на стройке. Тот бригадир обожал брать взятки: дашь на лапу — и тебе зеленый свет на все удобства, поскупись — замучают придирками.

Из-за того, что отец тогда пожадничал денег на пару пачек приличных сигарет, им с сыном пришлось хлебнуть лиха за те два месяца. По окончании срока парень вернулся в школу доучиваться, а отец остался на стройке тянуть свою лямку.

Теперь отца не было в живых, а он сам превратился в бригадира, но в мыслях у него не было уподобляться тому презренному человеку из воспоминаний.

Только вот его собственной дочурке едва исполнилось полтора года. Такое крошечное создание, такое прекрасное чудо заслуживало всего самого лучшего в этом мире. Но из-за него, никчемного отца, малышка, появившись на свет, до сих пор толком не знала, каков на вкус помидор.

К тому моменту, как А Чан проснулся тем утром, Цю Чэн уже ушел из дома. Приподнявшись на кровати и запустив пальцы в растрепанные волосы, парень ощутил легкое уколество тоски.

Зевая, он вышел на террасу. Перед уходом Цю Чэн полил грядки, а заодно оборвал созревшие помидоры и перцы. А Чан сделал пару кругов по узкому проходу и присел на корточки у деревянного ящика с перцем. Сначала он шумно втянул носом воздух, а затем двумя пальцами осторожно оттянул стебель, срывая красный стручок, прятанный в густой листве. Отнеся его к оконному проему неподалеку, он положил плод на подоконник — каждый раз, собирая урожай, Цю Чэн сушил перцы именно здесь.

Закончив со сбором, А Чан не спешил уходить. Он долго сидел на корточке на террасе: несмотря на то, что Цю Чэн распространил действие Массива Сбора Духов на весь дом, именно это место казалось ему на редкость уютным.

В его памяти отсутствовали воспоминания о жизни среди людей, да и чувство времени было развито слабо. В прошлом, когда они обитали вместе со старым котом, те зачастую коротали дни напролет, отыскивая тихий уголок и греясь на солнце с утра до вечера. Кроме охоты и обхода границ своей территории, они большую часть времени предавались праздности.

А Чан никак не мог взять в толк, почему Цю Чэн вечно куда-то спешит и суетится, вместо того чтобы просто посидеть рядом под лучами солнца. Направившись в ванную, он взял зеленую зубную щетку и, подражая движениям Цю Чэна, неумело принялся чистить зубы.

Подобных вещей он находил немало и раньше, вместе с тюбиками какой-то мягкой пасты странного вкуса, которая ему не пришлась по душе. Схрон находился в северном жилом корпусе школы, и он неизменно проникал внутрь через окно второго этажа, не ломая парадных дверей. Надо будет как-нибудь заглянуть туда снова — пожалуй, Цю Чэн обратится в бешенство от радости, если раздобыть это добро.

Весь этот день, за исключением заготовки охапки травы для трех коз, А Чан не делал ровным счетом ничего. Он забился на террасу, дремля вполглаза и прислушиваясь к звукам снизу. В последнее время в округе словно тараканов плодилось людей, что внушало ему глухую тревогу. Если бы не Цю Чэн, он бы давно собрал манатки и убрался куда-нибудь подальше, в глухую горную глушь.

К сумеркам Цю Чэн вернулся, приволоча с собой свыше десятка кукурузных лепешек, оставшиеся на продажу помидоры и пучок лука. Срезав пару кусков вяленого крысиного мяса с крюка у кухонного окна, он обжарил его вместе с луком, а остатки мелко порубил в томатный суп. Закусив лепешками, оба набили животы до отказа.

Едва сгустилась темнота, пришло время А Чана отправляться на охоту за грызунами. Днем полевки носа из нор не кают, а при ярком солнце устраивать засады бесполезно — добыть что-либо удастся редко, другое дело — ночь.

Навыки мышелова А Чан перенял у того самого старого кота: залогом успеха служили богатый опыт, чуткие органы чувств, мастерство маскировки и молниеносная реакция.

По всей видимости, из-за того, что сам А Чан в прошлом не жаловал мышинное мясо, кот не стал держать в секрете премудрости охоты. Ему были известны ходы каждой норы в округе, и в час охоты оставалось лишь выбрать подходящую точку для засады — без добычи он не возвращался никогда.

Пока А Чан промышлял на улице, Цю Чэн тоже не сидел сложа руки. После сегодняшнего инцидента позиция бригадира выглядела предельно ясно: за повторное опоздание поблажек ждать не стоило. На кону стояло не только сохранение места на ближайшие дни, но и общая характеристика, а портить репутацию в начале трудовой стези ему улыбалось меньше всего.

Взвесив все за и против, он решил пару следующих дней не таскать полевок на городской рынок. Всех пойманных зверьков он пока станет держать дома, а сбытом займется, как только

завершит текущий объект.

Обрезки досок от недавней сколотки ящиков еще оставались в хозяйстве, и Цю Чэн смастерил из них новый короб высотой и шириной около полуметра, да длиной с метр, снабдив его крышкой. Ящик встал вплотную к стене возле тумбы под телевизор. Полевые крысы — не кроткие козы, оставлять их в пустующем доме напротив он опасался: вдруг перегрызут клетки среди ночи да разбегутся.

А Чан вернулся с добычей уже за полночь. В крошечной тьме, при остатках огарков свечи, возиться с разделкой Цю Чэн не стал: сдвинув крышку, он велел А Чану ссыпать крыс прямо в ящик, захлопнул его и на всякий случай придавил сверху стопкой тяжелых справочников.

Ранним утром Цю Чэн выудил из короба несколько наиболее крупных экземпляров. Кормить проглотов растилками дольше не имело смысла, проще пустить их на вяленое мясо. Мелких же он оставил подрастать: днем, когда А Чан отправится косить траву для коз, он сможет попутно нарвать им сочных семян и корней.

Содержать полевок оказалось на удивление просто: они отлично прибавляли в весе на подножном корму. В эту пору самой ходовой пищей служили соцветия лисохвоста, которыми пестрели все заброшенные окрестные поля. Возвращаясь со смены, Цю Чэн всякий раз приносил домой увесистый охапок таких метелок.

Для профилактики сырости и вони Цю Чэн набросал на дно ящика сухой травы. Грызунки быстро обустроили там гнезда, а благодаря обилию еды драки между ними случались редко. Лишь изредка особо буйных нарушителей спокойствия, не желавших мириться с неволей, Цю Чэн пускал под нож вне очереди.

Шкурки, головы, внутренности, лапы и хвосты после разделки он выбрасывать не стал. Сложив отходы в пластиковый бак, он залил их водой, добавил закваску с эффективными микроорганизмами и выставил емкость на солнце для ферментации — через пару месяцев получится отменное удобрение.

<http://bllate.org/book/21998/2286872>